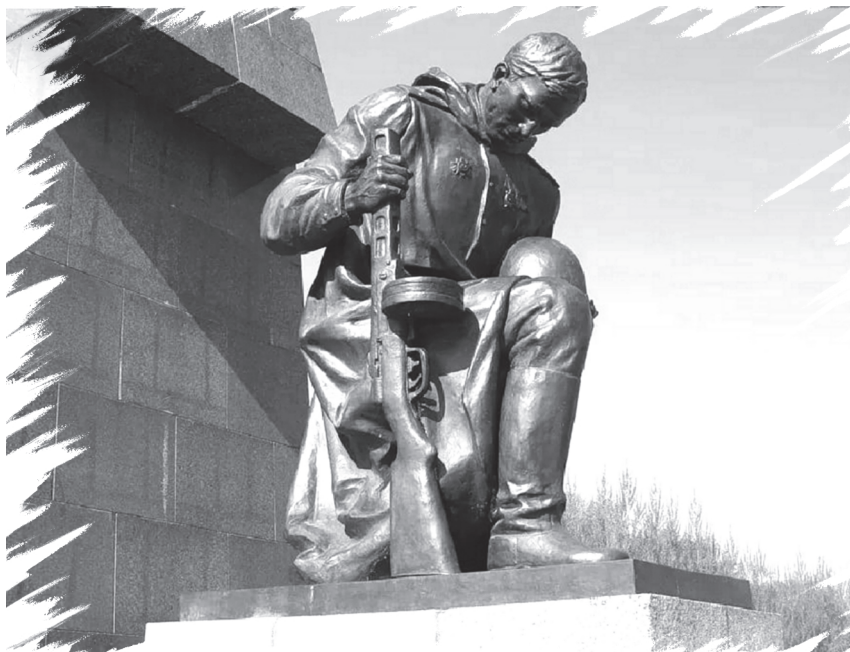

Библиотека Российского союза
профессиональных литераторов

Калужское отделение

Николай Ященко

ПАМЯТЬ О ФРОНТОВИКАХ

Калуга - 2022

ББК 2(Рос=Рус)6
Я97

*Большое спасибо за помощь в создании книги
«Память о фронтовиках»
Николаю Владимировичу Дудину (г. Москва)
и Алине Юрьевне Цемержинской (г. Калуга)*

Яценко Н.
Я97 **Память о фронтовиках.** – Калуга: ИП Стрельцов И.А. (Изд-во
«Эйдос»). 2022. – 26 с.

ББК 2(Рос=Рус)6

© Яценко Н., 2022

Данные предоставила дочь
Николая Сергеевича Хитрова,
ветерана Великой
Отечественной войны,
Любовь Николаевна Бабкина
(г. Москва)

Мой отец, Николай Сергеевич Хитров, родился 27 декабря 1922 года в селе Петровское, Щёлковского района, Московской области.

После окончания средней школы, работал секретарём сельского Совета. В 1941 году, в возрасте 19 лет, пошёл на фронт. Воевал под Сталинградом в звании младшего лейтенанта десантных войск. Участник сталинградской битвы. Был трижды ранен. По последнему ранению в 1943 году его комиссовали.

Награждён орденом Красной Звезды, орденом Отечественной войны II степени, медалью «За отвагу», медалью «За Сталинградскую битву».

После войны сорок лет работал председателем Сельского Совета деревни Огуднево.

Сохранил свой партийный билет, выданный на фронте.

Умер 19 мая 1998 года.

Пока я жива, буду помнить и любить своего отца.

Данные предоставил внук
Арсения Васильевича Якшина,
ветерана Великой
Отечественной войны,
Александр Александрович Бабкин
(г. Москва)

Мой дед, Арсений Васильевич Якшин, родился 16 июля 1916 года в селе Петровское, Щёлковского района, Московской области.

Сын крестьянина. Закончил семилетку. Работал в колхозе. С 12

лет пахал землю. В 1941 году пошёл на фронт. Воевал под Вязьмой. Был ранен. Потерял пальцы руки. По ранению комиссован.

Награждён орденом Красной Звезды, орденом Отечественной войны II степени, медалью «За отвагу». Остальные награды не помню. Все документы сгорели при пожаре.

После войны, мой дед работал в колхозе, потом на Огудневском заводе металлической сетки.

Умер в 1981 году.

Пусть земля ему будет пухом!

*Со слов ветерана Великой
Отечественной войны*

Арсения Васильевича Якшина,
рассказал его внук

Александр Александрович Бабкин
(г. Москва)

При Советской власти бывшим фронтовикам давали бесплатные путёвки в санатории, поправить здоровье. Арсению Васильевичу Якшину тоже дали, в Цхалтубо.

Приехал Арсений Васильевич в санаторий. Поселили фронтовика в чистой, просторной, двухместной комнате. На следующий день, рано утром, когда сосед ещё спал, пошёл Арсений Васильевич с городом познакомиться. Зашёл в летнее кафе, вина выпить. Столики пустовали, и только за одним сидело трое мужчин кавказской внешности. Они пили за здоровье своих детей и племянников и ещё за кого-то...

Арсений Васильевич поздоровался с молодым барменом за стойкой и попросил стакан вина. Тот налил.

Арсений Васильевич взял стакан и, повернувшись в пол-оборота к сидящим за столиком, сказал:

– А я, сынок, за Сталина выпью!

– Подождите, отец, не пейте, – бармен схватил Арсения Васильевича за руку, – я Вам другого вина налью.

Он принёс бутылку хорошего вина и денег не взял. . .

Кем для молодого человека за стойкой был Сталин, что за него нельзя пить плохое вино, фронтовик догадывался. Но у него было своё отношение к вождю, с именем которого он ходил в атаки, в полный рост, под фашистские пули.

---

*Данные представила дочь
Александра Васильевича Доколина,
ветерана Великой
Отечественной войны,
Наталья Александровна Ященко
(пос. Детчино,
Малоярославецкого района)*

Мой отец родился 29 июля 1923 года в городе Ярославле. Закончил десять классов. В 1941 году был призван в Красную Армию. Воевал в пехоте, потом в разведке. Участвовал в битве за Москву. Освобождал город Клин. Штурмовал город Кёнигсберг, сейчас Калининград. С 1945 по 1950 год принимал участие в ликвидации «лесных братьев» в Прибалтике.

Имел ранения. Награждён орденом Отечественной войны II степени, медалью «За боевые заслуги», медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и юбилейными медалями. Закончил войну в звании гвардии старшего сержанта.

После демобилизации, поступил в сельскохозяйственную академию. Получил высшее образование. Работал агрономом.

Награждён знаком «Ударник десятой пятилетки», медалью «Ветеран труда», знаком «Победитель социалистического соревнования 1975 года».

Умер 7 февраля 2001 года в городе Ярославле. Там и похоронен.

Пусть земля ему будет пухом!

*Рассказал ветеран Великой
Отечественной войны*
Александр Васильевич Доколин,
1923 год рождения (г. Ярославль)

В декабре 1941 года началось наступление Красной Армии под Москвой. Шли бои за город Клин. После артподготовки, наши бойцы атаковали немецкие позиции и выбили противника из первой траншеи. Немцы не дали подготовиться к следующему броску и пошли в контратаку. Пришлось отходить, да ещё и свою прежнюю позицию потерять.

На снегу остался лежать раненный в ягодицу русский боец, комсорг роты.

Его не успели: ни перевязать, ни унести с собой – ни до этого было. Немцы шли мимо, смеялись, показывая на раненого, но никто не выстрелил. . .

Не прошло и получаса, как наши снова пошли в атаку – за потерю позиций по голове не поглядят – и опрокинули противника. Немцы, отступая, опять прошли мимо раненого бойца, и опять никто не выстрелил – ни до этого было.

Комсорг остался жив. Его перевязали и переправили в медсанбат. Все удивлялись: «Везунчик!»

*Рассказал ветеран Великой
Отечественной войны*
Александр Васильевич Доколин,
1923 год рождения (г. Ярославль)

Рота отдыхала в тылу после тяжёлых боёв. Бойцы приводили себя в порядок, ходили в охранение. . .

У одного бойца, друга Александра Васильевича Доколина, Ивана, (полного имени я не помню) стал пропадать хлеб. Получит он пайку хлеба – половину съест, а половину под котелок положит на

нары в землянке и уйдёт на пост. Придёт – хлеба нет. Никому не жаловался, только другу Александру рассказал об этом.

– Да съешь ты его или мне отдай, я съем, – посоветовал ему Александр, когда в очередной раз тот положил хлеб под котелок перед тем, как идти в караул.

«В этот раз я узнаю, кто ворует мой хлеб,» – сказал, загадочно улыбаясь, боец.

Пришёл Иван с караула, заглянул под котелок – нет хлеба.

Пошёл к командиру роты.

– У меня хлеб украли, – жалуется потерпевший.

– А где я тебе его найду? – сочувствует лейтенант. – Надо было его съесть.

– А вы постройте роту, я сам найду вора.

Лейтенанту интересно. Построил роту.

– Что дальше? – спрашивает.

– Прикажите всем высунуть языки, – просит Иван командира.

Тот ещё больше удивляется, но приказывает.

– Может ещё что высунуть? – шутят в строю бойцы.

Раздаётся смех, но языки все высовывают. Приказ есть приказ.

Иван пошёл вдоль строя. У одного бойца остановился.

– Он хлеб украл, – Иван указал пальцем на солдата.

– Почему он? – сомневается командир.

– А у него язык синий. Я хлеб порошком от химического карандаша натёр перед уходом на пост, а он не знал...

Командир задумался. Что делать? Скандал на весь полк.

«Ну, что, бойцы, в штрафбат его?» – наконец решается он.

Виновник упал перед строем на колени и стал просить прощение. Слёзы текли по его лицу. Он клялся, что больше никогда не будет воровать и что вернёт весь украденный хлеб Ивану.

Бойцы зароптали.

«Давайте проголосуем, – идёт на хитрость командир. – Кто за то, чтобы простить и оставить его в роте – шаг вперёд!»

Все шагнули. По лицу молодого лейтенанта скользнула довольная улыбка. Он снял с себя ответственность за этот случай, если что...

Теперь он знал: с такими бойцами – хоть куда. Не подведут и не выдадут!

*Рассказал ветеран Великой
Отечественной войны*
Александр Васильевич Доколин,
1923 год рождения (г. Ярославль)

Это случилось в Прибалтике.

Рота шла по улице небольшого городка. Прошло больше суток, как немцы оставили этот пункт.

День выдался тёплым. Солнце слепило глаза. У одного из домов было открыто окно, и на подоконнике стояли начищенные яловые немецкие сапоги, будто на просушке.

«В спешке кто-то из немцев забыл, отступая,» – подумал тогда Александр Васильевич, проходя мимо.

И когда рота уже довольно далеко отошла от этого дома, один боец не выдержал и, без разрешения командира, вернулся за сапогами.

Раздался взрыв. Сапоги были заминированы. В доме-никого. . .

Бойцы жалели погибшего. Глупая, ничем не оправданная смерть.

Всем это – стало наукой!

Данные предоставила дочь
Михаила Ивановича Лаптева,
*ветерана Великой
Отечественной войны,*
Надежда Михайловна Чугунова
*(пос. Детчино,
Малоярославецкий район)*

Мой отец, Михаил Иванович Лаптев, родился 2 октября 1913 года в селе Куликово, Тяньгушевского района, Мордовской АССР.

Образование – семь классов. Трудовую деятельность начал строителем в бригаде земляков в Москве. Строил Первый подшипниковый завод. Принимал участие в строительстве Воскресенского химического комбината, где выучился на экскаваторщика.

Как передового рабочего, его послали на строительство канала имени Ленина.

С 1932 года работал бригадиром экскаваторщиков в городе Спас-Деменске, Калужской области. В конце сентября 1941 года был эвакуирован в город Асбест, Свердловской области. В конце 1942 года его призвали в Красную Армию. В составе Сибирской дивизии, воевал в звании старшины миномётного батальона 2-ой ударной армии на Волховском фронте. Защищал город Ленинград.

Из-за предательства . . . , батальон попал в окружение. На руках у отца умер от ранения командир. Его последние слова: «Бери командование на себя. . . ». Отец, с остатками батальона и группой разведчиков, вышел из окружения и соединился со своим полком. Полк сохранил знамя.

Отец принимал участие в боях за города: Тихвин, Любань, Мга. Первое ранение он получил от снайпера. Женщина, финка, метила в сердце, но попала в левую руку.

В 1943 году, за образцовое выполнение боевого задания, был награждён медалью «За боевые заслуги». В этом же году вступил в ряды Коммунистической партии. В 1944 году его наградили медалью «За отвагу».

В 1945 году отца направили в город Ленинград на офицерские курсы. Но война закончилась, и он решил вернуться к мирной жизни. В ноябре 1945 года он вернулся в город Спас-Деменск, где снова возглавил бригаду экскаваторщиков. За хорошую работу его наградили медалью «За трудовую доблесть» и направили в Киевскую техническую школу. Он получил специальность – горный мастер. Работал заместителем начальника карьера под Вязьмой. В начале 1953 года его назначили начальником Суходревского карьера в селе Детчино. Песок поставляли на отсыпку дорог и на строительство МГУ.

В 1961 году перешёл на Детчинский завод овощных концентратов, где работал оператором котельной до семидесяти пяти лет.

Отец часто, по приглашению, выступал перед школьниками, рассказывал о войне.

Умер 8 июля 2003 года.

Я никогда не забуду своего отца.

Пусть земля ему будет пухом!

*Рассказал ветеран Великой
Отечественной войны
Анатолий Ефимович Попов,
1923 год рождения
(пос. Детчино,
Малоярославецкий район)*

Немцы шли к Сталинграду. На степных просторах «Тигры» рвали нашу оборону на флангах, стараясь взять армии в кольцо. Здесь и получил своё первое ранение Анатолий Ефимович Попов, в бедро. За всю войну он был ранен ещё дважды: чуть ниже затылка под Воронежем и, когда шли к Одеру, в руку.

Санитары не успевали перевязывать и переправлять раненых на левый берег Дона. Плавсредств не хватало. Бойцы ждали своей очереди. Наскоро перевязанный, Анатолий Ефимович не стал ждать, и решил форсировать Дон вплавь.

Он ни разделся, ни снял сапоги, а поплыл, как есть, только винтовку перекинул через голову, чтобы случайно не утопить. За это и расстрелять могли в военное время.

И переплыл.

*Рассказал ветеран Великой
Отечественной войны
Анатолий Ефимович Попов,
1923 год рождения
(пос. Детчино,
Малоярославецкий район)*

Пройдя по немецким тылам и собрав нужные сведения, группа разведчиков возвращалась домой.

Шли ночью лесом через немецкие позиции. Дошли до поля. Светало. Через поле в лесу уже свои... Переходить поле, в это время, не безопасно. На поле, чуть ближе к немцам, сарай. Решили: скрытно

перебежать отрезок от леса до сарая и переждать в нём до темноты, а ночью уже добраться до своих.

Развели. В сарае никого. Перебежали. Пол в сарае устлан жердями. Кучками лежала полусгнившая солома. Стояла духота. Пахло плесенью. Открыли ранец, позаимствованный по пути у немцев. В нём, кроме всего прочего, был шоколад. Старший лейтенант, командир разведгруппы, взял плитку шоколада и решил выйти из сарая подышать свежим воздухом. С ним, за компанию, вышел Анатолий Ефимович Попов и ещё один боец... За азиатское лицо его звали не по имени, а «калмыком». Боец был маленького роста. На его голове, до самой шеи, красовалась каска. Командир развернул плитку шоколада и только откусил, хрустнув, как раздался щелчок. Никто не понял, что случилось. Командир лежал на земле, а из его лба фонтанчиком пульсировала кровь. Тут Анатолий Ефимович услышал второй щелчок, и на земле уже лежал «калмык». Не раздумывая, он втащил «калмыка» в сарай.

Сняли каску. Кровь стекала по лицу бойца. Его перевязали. Пуля немецкого снайпера, пробив каску, изменила направление и только скользнула по лбу. Все горевали по командиру. Ночью вернулись в свою часть.

P.S.

Анатолий Ефимович, закончив рассказ, немного помолчал, думая о чём-то своём. Затем добавил, обращаясь ко мне:

– Николай Петрович, а ведь он мог тогда и меня... и мы бы с Вами не сидели сейчас за чаем.

Я, как можно деликатнее, чтобы не обидеть фронтовика, тогда сказал:

– Анатолий Ефимович, вы же высокий. Снайпер решил убить Вас последним. «Этот долговязый от меня никуда не уйдёт,» – наверное, думал он, но ошибся. Вы оказались проворным: «калмыка» спасли и сами уцелели.

* * *

Меня как-то взял на «калым» дальний родственник, обшивать дом его знакомому в деревне Савиново. Это пять километров от посёлка Детчино.

Из соседнего дома к нам приходил в гости паренёк – добрый, услужливый. . . Звали его Мишей. Он был не похож на русского, и я его спросил: кто он по национальности.

– Мой папа – армянин, а мама – русская, – ответил он и добавил, – мы беженцы.

За окном желтел сентябрь. Я поинтересовался: почему он не в школе?

– Школу я закончил, – потупился Миша. – Поступал в Детчинский совхоз-техникум, но не прошёл по балам.

Тут я вспомнил Анатолия Ефимовича Попова, бывшего директора этого учебно-хозяйственного заведения. Заядлый охотник, он часто приносил мне на «выделку» шкуры лис. Денег я с него не брал, как с фронтовика и, однажды, в эмоциональном порыве, он сказал: что, если вдруг, мне понадобится помощь, я могу на него рассчитывать. Я решил этим воспользоваться. Чтобы убедиться, есть у Миши желание учиться или нет, я как можно равнодушнее, его спросил:

– А учиться хочешь?

Сообразительный паренёк понял: мой вопрос не просто так. . .

– Очень хочу! – оживился он.

После работы я зашёл к родителям Миши, спросить их согласия на его учёбу – вдруг, в семье другие планы.

Семья занимала половину ветхого деревянного дома. Бедная обстановка сразу бросалась в глаза. Я поздоровался и спросил: согласны они, если мой хороший знакомый, попробует устроить Мишу в техникум? В глазах родителей я прочитал вопрос. . . и сразу успокоил: денег за это платить никому не надо. Они дали согласие.

По приезду домой, я позвонил Анатолию Ефимовичу. Деликатно напомнил про обещание. . .

– Одного дальнего родственника не можете устроить в наш техникум, – спросил я, – он по балам не прошёл.

– Устроим, Николай Петрович, – был ответ.

Договорились о встрече. Встретились. Я остался ждать на улице, а Анатолий Ефимович пошёл с Мишей в администрацию техникума. Мишу зачислили учиться на механика, как он и хотел. Это, конечно, не совсем по закону, да Бог простит.

– Ты должен учиться на четвёртки и пятёрки, не подводи фронтовика, – напутствовал я Мишу, когда мы прощались. Он обещал.

Прошло около двух месяцев.

Миша пришёл ко мне домой и принёс в подарок большой пакет фруктов – пришла посылка из Армении.

– Как учёба? Поинтересовался я.

– Дядя Коля, у меня одни четвёртки и пятёрки. Пятёрок даже больше, – обрадовал он меня.

– Молодец! Не подвёл! – я по-дружески его обнял.

С подарком я направил Мишу к Анатолию Ефимовичу. Пусть порадуетя фронтовик. Это справедливо.

P.S.

Прошло три или четыре года...

Я, случайно, встретил нашего «крестника» в посёлке Детчино. Миша подрос, возмужал. Увидев меня – обрадовался. Похвалился: что техникум закончил и что работает на автостанции техобслуживания в городе Обнинске, механиком.

Я позвонил Анатолию Ефимовичу.

Это было что-то!

* * *

Анатолия Ефимовича Попова я встретил у поворота на кладбище, когда шёл в центр посёлка Детчино. Остановились. Поздоровались за руку.

– Вот, иду на кладбище своих проведать, – сказал он с печалью, скоро и мне туда...

– Да ладно! Вы ещё хорошо выглядите для своих лет, – хотел успокоить я его.

– Нет, Николай Петрович, здоровье уже не то... Война сказывается. Я ещё до пенсии плохо себя чувствовал. На пенсию провожали – не поскупились: стол накрыли, дарили подарки, цветы... Кто-то сожалел, что ухожу, а кто-то в тайне радовался. Всем не угодишь. Я директором совхоза восемь лет был. Потом учительствовал... Помню: на следующий день, пошёл в администрацию кое-какие документы оформить и личные вещи забрать. Нога раненая разболелась, ели доковылял. Всё уладил, выхожу на улицу, смотрю: мой бывший личный шофёр с машиной. «Подбрось до дома по старой дружбе,» – прошу его. «Не могу, – говорит, – у меня теперь другое начальство»".

– И не повёз?! – вырвалось у меня.

– Не повёз, Николай Петрович. Так и поковылял я на своих двоих. А ведь я ему свою двухкомнатную квартиру отдал, когда себе дом построил.

Я был так удивлён услышанным, что не знал, что сказать.

Мы распрощались, пожелав друг другу здоровья.

P.S.

Без комментариев.

*Рассказал ветеран Великой
Отечественной войны*

Иван Григорьевич Жильцов,
1925 год рождения

Жил Иван Григорьевич Жильцов в деревне Сисеево, Малоарославецкого района. Это пять километров от села Захарово вверх по речке Жалка. Село Захарово в двадцати семи километрах от посёлка Детчино.

Образование у Ивана - семилетка с горем пополам. А когда учиться? Отцу с матерью надо было помогать по хозяйству. Да и школа не близко.

Когда началась война, ему исполнилось шестнадцать. В армию призвали в сорок третьем... воевал в пехоте рядовым. От остальных ничем не отличался. А тут случай подвернулся: отличиться. Приказ – взять высотку. Не одному, конечно, а роте. Бойцы ждут сигнала в атаку. И только красная ракета осветила небо и поднял командир бойцов в атаку, как немецкий снайпер сразил его прямо в сердце. Бойцы, понятно, обратно в окопы. Командира нет, за кем в атаку идти? Тут-то Иван Жильцов и встал в полный рост.

– За мной! – кричит. – В атаку!

И встали за ним бойцы, и пошли в атаку, и взяли высотку. Полегло, конечно, много бойцов. А кто мне скажет, где полегло мало?

Генерал с наблюдательного пункта всё видел. Спрашивает:

– Кто в атаку роту поднял?

Ему докладывают:

– Рядовой Иван Жильцов!

– К награде его представить и присвоить звание младшего лейтенанта. Будет командовать ротой.

С генералом не поспоришь.

Воюет Иван Жильцов честно. За спины бойцов не прячется. Ему вторую звёздочку на погон, а потом и третью... И всё за храбрость его.

Тут в роту пополнение пришло. Иван, как командир, стал с каждым знакомиться, спрашивать: кто такой? Откуда? Один отвечает:

– Алексей Богомазов! Из Детчино!

– Так мы с тобой земляки! – обрадовался Иван и стал бойца опекать...

Прошло около двух месяцев, а может чуть больше. Вдруг, вызывают Ивана Жильцова в особый отдел...

Вины за собой он никакой не видел, но всё равно страшновато. Пришёл.

– Проходи, Иван Григорьевич, присаживайся, – встречают его по-дружески в особом отделе... От сердца отлегло. – Решили мы тебя, как храброго и честного офицера, послать учиться в школу милиции. Войне скоро конец, а милицейские кадры нужны.

Испугался Иван Григорьевич. Как он будет учиться, если пишет с ошибками? И отказаться нельзя. Это ведь особой отдел! Тут-то и смекнул он, как поступить надо.

– Какой из меня ученик? – говорит. – Моё место на фронте. А есть у меня в роте боец с десятью классами образования. Вот его бы послать – больше пользы.

– Кто такой? – интересуются.

– Рядовой Алексей Богомазов! – отвечает.

Так и поехал Алексей Иванович Богомазов на учёбу в школу милиции вместо Ивана Жильцова. А Иван Жильцов воевать остался, ротой командовать. И дослужился он на войне до капитана. Как дослужился? Под пулями немецкими в полный рост ходил и бойцов водил.

После войны вернулся Иван Григорьевич в родную деревню. Дом

поправил. Хотел семью завести, да не получилось. За больной сестрой ухаживал. И тут вернулся из тюрьмы родной брат. В колхозе оставаться не хочет. Хочет в город уехать, в Калугу. А паспорта нет. В то время, в сельской местности, просто так, паспортов не выдавали. Только по особому случаю. Что делать? Сельчане ему подсказывают: «Ты в Детчино сходи, к Богомазову. Он начальник милиции. Говорят, хороший человек. Всем помогает...»

«Не тот ли это Богомазов, которого я с войны на учёбу определил?» – подумал Иван Григорьевич, и пошёл.

Приходит в Детчинскую милицию. В приёмной секретарь, женщина.

– Вы по какому вопросу? – спрашивает.

– По личному, – отвечает.

Она докладывает.

– Пусть заходит, – слышит Иван Григорьевич голос начальника милиции через дверь.

– Заходите, – приглашает секретарь.

Зашёл. Увидел Алексей Иванович Ивана Жильцова, встал из-за стола, подошёл к нему, обнял, расцеловал.

– Иван! Дорогой! – говорит. – Как я рад тебя видеть! Ты же меня на войне от смерти спас. Если бы не ты, лежать мне в земле сырой. Садись, рассказывай...

Сам водку из сейфа достал, закуску. Поговорили... Было чего вспомнить. Напоследок, Алексей Иванович бывшего командира спрашивает:

– Ты только повидаться пришёл или дело какое у тебя ко мне?

Иван Григорьевич всё ему и рассказал, ничего не утаил.

– Документы брата у тебя с собой? – спрашивает Богомазов.

– С собой.

Алексей Иванович позвал секретаря.

– Оформи по этим документам паспорт, – говорит он ей.

И всё хорошо для Ивана Жильцова вышло. А по-другому и быть не могло.

Вот так ему за добро добром и отплатили. Не совсем, конечно, по закону, да Бог простит. Он всё видит: они же фронтовики, случай особый.

*Рассказала дочь ветерана Великой
Отечественной войны
Алексея Ивановича Богомазова,
1924 год рождения,
Людмила Алексеевна Хавыло
(пос. Детчино,
Малоярославецкого района)*

По выслуге лет в милиции, ушёл Алексей Иванович Богомазов на заслуженную пенсию. Думал отдохнуть, рыбку половить, по грибы походить, на огороде покопаться, да не тут-то было. Избрали его земляки, как честного и справедливого, председателем Сельского Совета села Детчино.

Забот – выше головы... Каждое утро, прежде чем идти на своё рабочее место, обходил Алексей Иванович одну из улиц. Смотрел: всё ли в порядке, не надо ли чего...

Шёл он, однажды, по улице Пушкина. Остановился у дома Николая Дмитриевича Шибанова. Сел на лавочку. Хозяин увидел гостя в окно – вышел. Поздоровались, завели разговор.

– Что это у тебя, Николай Дмитриевич, забор-то почти на землю повалился? – спрашивает Алексей Иванович. – Не порядок!

– Денег нет, – отвечает Николай Дмитриевич, – да и с одной рукой много не наработаешь.

Руку Николай Дмитриевич потерял по неосторожности. Эхо войны.

Посидели ещё немного. Разошлись.

На следующий день, рано утром, смотрит Николай Дмитриевич в окно – глазам не верит. У дома стоит грузовая машина. Рабочие ошкуренные дубовые столбы разгружают, жерди, штакетник, инструменты...

Так за один день забор и поставили. Николай Дмитриевич не стал спрашивать рабочих: кто команду дал? Сам догадался. Только обедом угостил и магарыч поставил – забор обмыть... так полагается. А Алексей Иванович по-другому не мог. Он же бывший фронтовик. А фронтовики поступают только так, хоть и бывшие.

Рассказала жена
Михаила Григорьевича Докина,
трагически погибшего в 1946 году
в Польше,
Александра Васильевна Докина
(пос. Детчино,
Малоярославецкий район)

Михаилу Григорьевичу Докину, офицеру интендантской службы, не часто и до войны приходилось бывать дома, где ждала его молодая жена с грудным ребёнком и тёща.

Семья проживала в селе Детчино, в доме барачного типа, на левой стороне, если поворачивать на улицу Александра Матросова с Калужской дороги. Этого барака давно нет.

Когда он приезжал, то всегда выкраивал время походить по лесу с «берданкой». Убивать он – никого не убивал, а удовольствие от прогулки получал.

Во время войны ему тоже удавалось, отпросившись у начальства, приезжать домой, когда бывал в Москве с поручениями по работе.

Война для Михаила Григорьевича закончилась в немецком городе Штеттин, да, как оказалось, не совсем...

Была весна 1946 года. Михаил Григорьевич ждал отправки домой. Чтобы как-то скоротать свободное от службы время, ходил с друзьями на охоту. Дичи и зверья в тех местах было много.

Апрель месяц. Шли берегом реки. Туман. Дорогу преградил оголённый провод. Откуда и куда он был протянут - не видно. Висел он так, что перешагнуть нельзя и пролезть под ним трудно. Михаил Григорьевич взялся за провод рукой, чтобы приподнять, и тут же был поражён электрическим током. Офицер погиб. Вот оно эхо войны!

Похоронили русского офицера с почестями на кладбище «Русских воинов» в городе Штеттин (теперь Польское название Щецин).

Этого кладбища давно нет.

Поляки сравнивали могилы с землёй и разбили парк. Не надо было победительно раздаривать чужую землю, направо и налево, всяким уродам, тогда бы и кладбище сохранилось.

Поляки топчут святой прах тех, кому обязаны жизнью.
Бог им судья!

* * *

Как себя помню: сначала с отцом, а потом, уже взрослым, и один, я, почти каждое лето, ездил в гости на Украину к тёте Гале. Галина Захаровна Тороп – родная сестра моего отца – жила в городе Терны. Это шестьдесят километров от Кривого рога.

У тёти Гали было две дочери, поэтому меня она очень любила и баловала. Её муж, дядя Гриша – отчество, к сожалению, я не помню – работал на шахте. Когда он приходил с работы, чумазый от угольной пыли, то раздевался по пояс и мылся, несколько раз намыливаясь. Я лил ему на спину, руки и голову ковшиком тёплую воду.

На его теле я видел столько шрамов и рубцов от пуль и осколков, что живого места не было. О войне он не рассказывал – воспоминания не из радостных. И только один раз, видимо, уставший от моих назойливых вопросов, он, обняв меня, разоткровенничался: «Я, Коленька, за спины других не прятался. В атаки ходил в полный рост. Убьют – так убьют! Я видел, краем глаза, как некоторые прятались за моей спиной и падали, сражённые..., а мне везло.

Всю войну прошёл... столько ранений!
Не сосчитать... и живой!
Бог меня уберёт!»

* * *

Я часто ездил на рыбалку в верховье реки Тарусы. На автобусе или на велосипеде я доезжал до деревни Муратово, это двадцать два километра от посёлка Детчино в сторону села Захарово. Затем пешком от автобусной остановки, через деревню Муратово, через лес и поле по тропинке, я попадал на место...

Слева расположилась деревня Степановка, впереди, на высоком правом берегу реки Тарусы – деревня Горчаково. Неописуемая красота!

Проходя через деревню Муратово, я всегда отдыхал на лавочке у последнего дома справа. Хозяин дома, Михаил Акимович Евланов, угощал меня ключевой водой из собственного колодца, и я шёл дальше. . .

Однажды проходя мимо соседнего дома Михаила Акимовича, я поздоровался с хозяйкой и похвалился книгой «Знаменосцы русской славы» — один из сборников Российского союза профессиональных литераторов, где была страница и о Михаиле Акимовиче Евланове, как о ветеране Великой Отечественной войны, 1923 года рождения.

Тут соседка, как ушат холодной воды на меня вылила:

– А тётя Аня тоже воевала, а военную пенсию не получает.

Тётя Аня – Анна Владимировна – жена Михаила Акимовича.

– Как так? – только и смог я произнести.

– Не знаю. Сами спросите, – развела руками соседка.

Мы распрощались, и я поспешил к Евлановым. Сел на лавочку и стал ждать хозяина. Услышав лай собаки, дядя Миша выглянул в окно, увидел меня и вышел.

Поздоровались, разговорились. Я спросил про тётю Аню. Оказалось, Анна Владимировна Мулыкова – фамилия девичья – в 1944 году, в октябре или в ноябре, после демобилизации, обращалась в военкомат Детчинского района (тогда был Детчинский район, а не Малоярославецкий) и даже отдала военную книжку, но документы сгорели при пожаре – так ей сказали потом в военкомате – и подтвердить, что она воевала, было нечем. Но она помнила: воевала с декабря 1942 года в 360 ом гвардейском артполку, третий дивизион. Числилась топографом. Работала в хоззведе. В 1944 году закончила войну в Польше. Демобилизована по болезни.

Я записал данные на листке и, вернувшись домой в Детчино с рыбалки, поспешил к Дмитрию Харитоновичу Власенко, ветерану Великой Отечественной войны, комиссару в 19 лет. Он жил на улице Московская, недалеко от меня, и всё ему рассказал. Показал записанное на листке.

– Что будем делать? – спросил я его.

– Надо написать письмо в райвоенкомат от её имени, – сказал

он. – Они на основе этого письма, сделают запрос в военный архив города Подольска.

Так и сделали. Я диктовал, стараясь войти в образ тётки Ани, а Дмитрий Харитонович писал корявым почерком – так я ему посоветовал, чтобы выглядело правдоподобно, что писала тётка Аня. И, на всякий случай, он сделал пару ошибок.

Письмо я отвёз в военкомат города Малоярославца, где его зарегистрировали и пообещали отправить в город Подольск. Я оставил свой номер телефона секретарю и попросил сообщить мне, когда придёт ответ на запрос из военного архива.

Ждали мы восемь месяцев. Я уже верить перестал, что придёт ответ, но ответ пришёл. Мне позвонили из военкомата города Малоярославца и сообщили, что Анна Владимировна Мулыкова воевала, и все документы переслали в военкомат города Калуги.

У меня сердце чуть не выскочило из груди от радости. Не раздумывая, я позвонил в Калугу генерал-майору Владиславу Васильевичу Зубореву.

Он председательствовал в областном совете ветеранов вооружённых сил. Мы были знакомы, не более. Я коротко объяснил ему ситуацию и попросил сделать звонок в областной военкомат: попросить их или приказать им, на его усмотрение, побыстрее оформить документы на военную пенсию тётки Ани, чтобы не пришлось ждать ещё восемь месяцев.

Он обещал.

Через неделю я поехал на рыбалку. В Муратово меня уже ждали. Усадили за стол... Я был не против.

Пенсию Анне Владимировне увеличили вдвое и она её уже получила.

Через какое-то время прибавили ещё, потом ещё... справедливость восторжествовала. Дмитрий Харитонович не скрывал радости. Обо мне и говорить нечего.

P.S.

После того, как всё утряслось, я поехал в город Малоярославец, в прокуратуру. Молодому прокурору я объяснил ситуацию с тёткой Аней. Он заинтересовался, видимо тоже был неравнодушен к фронтовикам.

– И что Вы хотите? – спросил он.

– Я хочу, чтобы Анне Владимировне Мулыковой компенсировали пенсию за 27 лет, с 1977 года по 2004 год.

Немного подумав, он объяснил: «Компенсировать пенсию за эти годы можно, но только через суд, если найдутся два свидетеля, которые подтвердят, что она обращалась в военкомат в 1944 году и у неё забрали военную книжку».

Свидетелей не нашлось. Все, на кого могла сослаться Анна Владимировна Мулыкова, умерли.

А жаль!

---

*Рассказал ветеран Великой
Отечественной войны*
Виктор Яковлевич Добрынин,
1902 год рождения
(г. Калуга)

Красная Армия находилась в обороне под Смоленском. Бойцы спали, не покидая окоп. Эта ночь выдалась особенно тревожной. Разведка донесла: утром немцы пойдут в наступление.

Виктор Яковлевич Добрынин спал в окопе сидя, укрывшись шинелью. Ему приснился седой старик с окладной бородой. Виктор Яковлевич пытался вспомнить: где он видел этого старика, но не мог... Старик сказал ему:

– Будет очень страшно! Померкнет солнце! В живых останешься только ты.

Старик сказал это, не открывая рта, и Виктор Яковлевич, почему-то, не удивился.

– Кто ты? – спросил он старика.

– Я – Святой Павел!

Виктор Яковлевич проснулся. Солнце поднималось над горизонтом. Лёгкий туман стелился над полем. Обманчивая тишина настояраживала. И тут началось такое!..

Казалось, вся немецкая артиллерия обрушилась на русские ук-

репления. Затем налетели самолёты. Они низко пикировали, стараясь поточней сбросить бомбы на беззащитные позиции.

Солнце померкло. От дыма и пыли дальше метра ничего не было видно. Сколько это продлилось Виктор Яковлевич не помнит. На какое-то время он ослеп и оглох. Когда всё стихло, в живых из роты остался только он.

P.S.

Виктор Яковлевич Добрынин прошёл всю войну до Победы. Был ранен, имел награды. По-старчески забывая, что уже много раз рассказывал этот сон родным и знакомым, он снова и снова его пересказывал.

До конца жизни он так и не мог понять: почему именно Святой Павел его спас, а никто другой?

И почему именно его?

Чудо! Да и только!

*Рассказал ветеран Великой
Отечественной войны*

Лев Петрович Неверов,

1924 год рождения

(пос. санаторий Воробьёво,

Малоярославецкий район)

Лев Петрович Неверов проходил военную службу в качестве корреспондента на Дальнем Востоке.

У него был друг. Жаль, что я не запомнил имени. Назовём его Алексеем.

Алексей получил на войне с Японией тяжёлое ранение и был демобилизован. Но он не отчаялся, не опустил руки. Имея высшее музыкальное образование, Алексей создал в городе Хабаровске военный духовой оркестр.

Оркестр гастролировал по воинским частям, выступал на передовой перед бойцами.

Когда война закончилась, Алексея отправили на пенсию по инвалидности, а руководить оркестром назначили молодого лейтенанта.

Расстроенный, чуть не плача, он пришёл к своему другу.

– Лев, это же моё детище! Я больше ничего не умею... Без оркестра я умру. Где справедливость?!

Лев Петрович на минутку задумался.

– Давай напишем письмо товарищу Сталину, – вдруг, довольно смело, предложил он. – Я напишу, но подпишешь его ты. Уж извини друга.

На этом и порешили. Написали: я – такой-то, такой-то, воевал, награждён... По ранению демобилизован. Имея высшее музыкальное образования, создал в городе Хабаровске военный духовой оркестр. Оркестр гастролировал на передовой. А теперь, когда война закончилась, прислали руководителя оркестром молодого лейтенанта, а меня отправили на пенсию. А я ещё могу послужить Родине и так далее....

Письмо отправили и стали ждать.

Через месяц, или чуть больше, Алексею пришла повестка в особый отдел....

Он снова пришёл к другу.

– Ну, что, Лев, собирать рюкзак?

– Не волнуйся, может всё обойдётся, – старался успокоить друга Лев Петрович, – иди, а я тебя здесь подожду.

Алексей ушёл. Вернулся через час с большим конвертом в руке.

– Что в конверте? – Лев Петрович волновался.

– Я не вскрывал, – Алексей был будто парализован.

– Так вскрывай быстрее, – не терпелось Льву Петровичу, – прочитаем, что там....

Конверт вскрыли. Стали читать: уважаемый, такой-то, такой-то, письмо Ваше получили. Дело рассмотрели. За Ваши заслуги перед Отечеством предлагаем Вам возглавить военный духовой оркестр, на Ваше усмотрение, Приморского Военного Округа, Приуральского Военного Округа или Закавказского Военного Округа.

Алексей уехал в Закавказский Военный Округ.

Это справедливо и по закону.

Решение честное и почётное, с уважением отнеслись к простому рядовому человеку.

---

*Рассказал ветеран Великой
Отечественной войны*
Николай Иванович Егорьев,
1925 год рождения
(д. Таурово,
Малоарославецкий район)

Германия, декабрь 1946 год. В длинном строю солдаты ждали команды: «По вагонам!» Долгожданная демобилизация. Вдоль строя шёл генерал. Он, выборочно, жал солдатам руки, угощал папиросами, говорил:

– Не мы, генералы, выиграла войну, а вы – рядовые! Все вы – герои! Подвиг ваш будет не забыт! Может у кого есть вопросы или просьбы?

И тут из строя голос солдата:

– Разрешите обратиться, товарищ генерал?

– Разрешаю! – генерал нашёл глазами бойца. – Обращайтесь!

– Товарищ генерал, я всю войну был поваром при роте. В боях, можно сказать, не участвовал. Моё дело – щи да каша, – солдат волновался. – Домой приеду – жена спросит: «Где был? По бабам шлялся? А может в тюрьме сидел?» Что ей скажу? У меня, за всю войну, ни одной медальки нет.

И тогда генерал снял со своего кителя орден Красной Звезды и прицепил к солдатской гимнастёрке.

Вот так это было!

Хочешь – верь, хочешь – нет.

Нашла награда солдата.

Это справедливо!

Николай Яценко

ПАМЯТЬ О ФРОНТОВИКАХ

Издается в авторской редакции

Подписано в печать 27.01.2022. Формат 60x84/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Объем 1,5 усл. печ. л.
Тираж 100 экз. Заказ 18.

Отпечатано «Наша Полиграфия»,
248009, г. Калуга, Грабцевское шоссе, 126,
тел. (4842) 77-00-75.